

ствовали въ Омаровой мечети при торжественномъ магометанскомъ богослуженіи по случаю дарованія конституціи.

Тѣмъ не менѣе, турецкое правительство не уважило просьбы евреевъ открыть политехникумъ въ Хайфѣ, и они разсчитываютъ учредить это учебное заведеніе въ Іерусалимѣ.

П. Безобразовъ.

Фрески Георгіевскаго параклиса 1423 г. въ Свято-Павловскомъ монастырѣ на Аѳонѣ и ихъ значеніе въ исторіи аѳоно-византійской и русской иконописи.

Часы нашего пребыванія въ радушно-гостепріимномъ стольномъ градѣ древнія Суздальскія области Владимірѣ, можно сказать, уже сочтены ¹⁾. Отвлекать ваше преосвѣщенное вниманіе отъ этихъ дивно изящныхъ, граціозныхъ манументальныхъ мѣстныхъ памятниковъ старины, которые хотя и находились передъ вашимъ очарованнымъ взоромъ во все время пребыванія здѣсь повседневно, но которые, къ глубокому сожалѣнію, — и въ этомъ нужно сознаться откровенно, — и послѣ нашего съѣзда остаются все же не вполне понятыми и еще менѣе удовлетворительно объясненными учеными специалистами археологами, и уносить и вашу мысль и ваше воображеніе на далекую отъ насъ Св. Аѳонскую Гору, въ полутемный и полуразрушенный нынѣ параклисъ (маленькая церковка) Свято-Павловскаго монастыря во имя св. великомученика Георгія, было бы съ моей стороны рискованною смѣлостію и даже непростительнымъ дерзвостіемъ, если бы въ оправданіе мое не имѣлось налицо смягчающихъ вину обстоятельствъ.

Всего нѣсколько дней тому назадъ, при самомъ открытіи 8-го областного историко-археологическаго съѣзда, вы, милостивыя государыни и милостивые государи, изъ устъ

¹⁾ Рефератъ, читанный на послѣднемъ засѣданіи областного владимірскаго археологическаго съѣзда въ 1906 г.

глубокоуважаемаго предсѣдателя съѣзда Н. В. Покровскаго уже слышали заявленіе, что попытка памятники владимірской церковной старины, для всесторонняго ихъ изученія и болѣе яснаго пониманія ихъ происхожденія, поставитъ въ связь съ однородными памятниками отдаленнаго отъ насъ Аѳона въ археологической наукѣ—не новость. Сдѣланное сопоставленіе фресокъ XV столѣтія владимірскихъ соборовъ Успенскаго и Дмитріевскаго съ Аѳонскими памятниками церковной иконописи, какъ эти послѣдніе были извѣстны по иконописному подлиннику аѳонскаго живописца Діонисія Фурно-Аграфіота, изданному въ свѣтъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ Дидрономъ, привело, какъ вы тоже слышали, къ выводамъ крайне неутѣшительнымъ. Между памятниками художественной дѣятельности во Владимірѣ и на Аѳонѣ не только не удалось отыскать чертъ сходныхъ и какихъ-либо точекъ соприкосновенія, но выяснилось, наоборотъ, съ поразительною ясностію не только ихъ несходство, но даже высокое превосходство памятниковъ владимірской стѣнной живописи предъ аѳонскою. Это и вполнѣ понятно. Сравнивались памятники совершенно различныхъ эпохъ—владимірскія фрески XV в. и памятники художественной дѣятельности Діонисія Фурно-Аграфіота, аѳонскаго зографа начала XVIII столѣтія, лишь по ошибкѣ отпосимаго иногда нѣкоторыми учеными къ XII столѣтію. Мы, однако же, полагаемъ, что сближеніе владимірскихъ фресокъ съ этого рода памятниками церковной иконописи на Аѳонѣ вовсе не такъ безнадежно и бесплодно въ научномъ отношеніи, какъ это казалось археологамъ добраго стараго времени, по только подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, а именно, чтобы для сопоставленія владимірскихъ фресокъ XV столѣтія изъ аѳонской фресковой иконописи брались бы имъ современные памятники, къ числу коихъ по всей справедливости слѣдуетъ отнести доселѣ неизученныя и неизданныя еще въ свѣтъ стѣнныя росписи 1423 года Георгіевскаго параклиса Свято-Павловскаго монастыря на Аѳонѣ.

У насъ лично имѣются и другія побужденія. Вессокрушающее время все чаще и чаще въ наши дни истребляетъ на нашихъ глазахъ драгоцѣнные памятники художественной старины, поселяя справедливыи и тяжелый угорь современ-

никамъ въ ихъ неизвинительной равнодушной небрежности и непростительномъ легкомыслии въ дѣлѣ изученія и описанія ихъ со стороны грядущихъ поколѣній, которыя, это вѣтъ всякаго сомнѣнія, будутъ судить насъ гораздо строже и суровѣе, чѣмъ дѣлаемъ это теперь мы по отношенію къ нашимъ предкамъ. Въ 1890 году на Аѳонѣ дотла сгорѣлъ съ богатою библіотекою рукописей и памятниковъ церковной старины восхитительный по своему положенію на остроко-нечной вершинѣ отвѣсной скалы Симоно-Петрскій монастырь, обитатели котораго, застигнутые врасплохъ ночью, едва спаслись отъ мучительной смерти въ огнѣ, при помощи простынь и тайнаго подземнаго хода. Въ 1901 году истребленъ огнемъ второй аѳонскій монастырь Св. Павла, причемъ во время этого пожара погибло весьма цѣнное собраніе сербскихъ рукописей. Наконецъ, въ 1905 году, 27 октября, какъ вамъ небезъизвѣстно изъ газетъ, отъ сильнаго, давно небывалаго на Аѳонѣ, землетрясенія, пострадали почти всѣ находящіеся здѣсь монастыри, и въ особенности тяжело отразилось оно на популярномъ въ нашей Россіи монастырѣ Аѳоно-Иверскомъ, гдѣ поврежденъ соборный храмъ и древняя Предтеченская церковь. Всѣ эти стихійныя бѣдствія, постигшія Аѳонскую гору на прострaпствѣ небольшого времени, должны отозваться тяжелою болью въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто любитъ памятники сѣдой старины, дорожить ими, какъ неоцѣненнымъ наслѣдіемъ культурнаго прошлаго. Но по истинѣ самымъ большимъ несчастіемъ и даже невозпаградимую потерю для науки была бы во время происшедшаго пожара въ Свято-Павловскомъ монастырѣ гибель параклиса св. Георгія съ его чудными фресками 1423 года, самыми древнѣйшими, изъ доселѣ сохранившихся на Аѳонѣ памятниковъ этой отрасли иконографіи, къ глубокому сожалѣнію, и доселѣ все еще остающимся не вполне изданными и недостаточно изученными. Въ книгѣ приватъ-доцента Лейпцигскаго университета по кафедрѣ изящныхъ искусствъ Г. Брокгауза: „Die Kunst in den Athos Klöstern“ онѣ лишь кратко описаны.

Мы и доселѣ, какъ извѣстно, еще не имѣемъ обстоятельной и научно обработанной, по самымъ памятникамъ и съ изданіемъ въ свѣтъ лучшихъ изъ нихъ образцовъ, исторіи аѳоно-византійской иконописи, хотя надѣ изученіемъ ея уже

достаточно работали многіе ученые западные и наши соотечественники, напр., Дидронъ, Байэ, Стриговскій, Брокгаузъ, Мелэ, Ламбросъ, Мейеръ, пр. Порфирій Успенскій, Севастьяновъ, арх. Антонинъ Капустинъ, Н. В. Покровскій, академикъ Н. П. Кондаковъ и др.. Занимающій насъ Георгіевскій параклисъ Свято-Павловскаго монастыря, стѣнная живопись котораго не подвергалась позднѣйшимъ передѣлкамъ мѣстныхъ иконописцевъ, получаетъ особенный интересъ для исторіи этой живописи.

Въ послѣднюю, по счету *седьмую*, научную поѣздку по Аѳону, предпринимаю лѣтомъ въ 1903 году, въ компаніи одного, только что окончившаго Кіевскую духовную Академію, студента Л. Д. Никольскаго ²⁾, пыпѣ преподавателя Закона Божія и церковной археологіи въ Борисовской иконописной школѣ (Курской губерніи), присутствующаго среди насъ въ данную минуту, мы рѣшились заняться изученіемъ аѳонской иконописи.

При помощи имѣвшагося у насъ весьма недурного фотографическаго аппарата, намъ хотѣлось снять возможно большее количество фотографій съ аѳонскихъ стѣнныхъ росписей и иконъ. Не скроемъ, отправляясь на Аѳонъ, мы мечтали главнымъ образомъ о томъ, чтобы добыть фотографическіе снимки росписей Карейскаго Протатскаго собора, приписываемыхъ пресловутому Панселину, живописцу XVI в., а равно и знаменитыхъ художниковъ критянъ Теофана и сына его Симеона, работавшихъ въ лаврѣ преподобнаго Аѳанасія, въ монастыряхъ Ставро-Никитскомъ и Ксенофскомъ, Фралга Біогійца (росписи его имѣются только въ Никольскомъ параклисѣ лавры преподобнаго Аѳанасія и въ Метеорахъ) и пѣкоторыхъ другихъ выдающихся художниковъ XVI в. въ монастыряхъ Аѳона—въ Кутлумушѣ, Діонисіатѣ, Ксенофѣ и др. О росписяхъ Георгіевскаго параклиса Свято-Павловскаго монастыря мы хотя и знали хорошо, но, не получая съ Аѳона точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ бывшаго въ Свято-Павловскомъ монастырѣ пожара, не считали его

²⁾ Л. Д. Никольскій, въ бытность студентомъ, писалъ кандидатскую диссертацию на тему «Исторія аѳонской иконописи» (Историко-археологическій очеркъ) и отправился вмѣстѣ со мною, чтобы на самыхъ памятникахъ Св. Горы Аѳонской провѣрить свои выводы и заключенія объ аѳонской иконописи.

счастливо уцѣлѣвшимъ отъ огня и такимъ образомъ не пропавшимъ еще безслѣдно для археологической науки. Мечтѣ нашей, однако же, не суждено было осуществиться въ тѣхъ предѣлахъ, какіе мы намѣчали для себя, такъ какъ неожиданно мы встрѣтили цѣлый рядъ непреодолимыхъ препонъ со стороны нѣкоторыхъ аѳонскихъ представителей старцевъ, игуменовъ, членовъ Карейскаго протата и др. Но Провидѣнію угодно было, въ награду за наши труды и огорченія, даровать намъ утѣшеніе въ видѣ полученія снимковъ съ такихъ памятниковъ иконописи, какіе мы считали почти безнадежно утраченными для науки. Этими снимками теперь мы не безъ удовольствія можемъ похвалиться передъ вами, выражая надежду и увѣренность въ недалекомъ будущемъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію Высочайше учрежденнаго Комитета попечительства о русской иконописи, видѣть ихъ всѣ въ печати ³⁾.

Серьезныя затрудненія на пути выполненія поставленной себѣ задачи намъ созданы были прежде всего со стороны о. о. антипросоповъ Карейскаго протата, благоволительнымъ разрѣшеніемъ коихъ долженъ заручиться, по принятому обычаю, всякій ученый путешественникъ по Аѳону, а путешественникъ, намѣревающийся работать надъ аѳонскою живописью въ храмахъ, въ особенности. Мы долго не могли получить искомага разрѣшенія кинота, потому что въ узаконенные дни для синаксиса (собранія), по случаю глѣтнаго времени и разѣздовъ о. о. антипросоповъ по монастырямъ для празднованія храмовыхъ праздниковъ (εις τήν παύσην), не могло собраться положенное для синаксиса число антипросоповъ. Намъ, впрочемъ, и заранѣе предупреждали, что наша просьба внести внутрь Протатскаго собора фотографическій аппаратъ, чтобы снимать панселиновскія фрески, не можетъ быть уважена ни въ какомъ случаѣ, потому что, какъ серьезно говорили намъ въ кинотѣ, *святыми канонами нигдѣ не разрѣшается снимать внутри храмовъ живопись съ помощью фотографическихъ аппаратовъ.*

³⁾ Когда печатается настоящій рефератъ, уже вышли въ свѣтъ двѣ статьи Л. Д. Никольскаго съ приложеніемъ всѣхъ снятыхъ нами аѳонскихъ росписей, напечатанныя въ «Иконошненномъ сборникѣ» вв. I—II. Изданіе Высочайше учрежденнаго Комитета попечительства о русской иконописи. СІВ. 1907—1908 г.г.

Въ видѣ снисходительной уступки, намъ предлагали списывать фрески собора при помощи художниковъ, для чего мы не располагали ни временемъ, ни тѣмъ болѣе денежными средствами. Вскорѣ мы, однако, убѣдились, что и указанная уступка дѣлалась намъ не исполнѣ искренно, ибо, когда затѣмъ мы приступили къ изученію панселиновскихъ фресокъ въ соборѣ и стали дѣлать для себя замѣтки, то со стороны и о. о. антипросоповъ, и особенно со стороны еkkлисіарховъ этого собора, получившихъ, очевидно, соотвѣтствующія и строгія внушенія со стороны послѣднихъ, встрѣтили цѣлый рядъ затрудненій и самыхъ безцеремонныхъ притѣсненій. Изъ рукъ, напр., моего спутника Л. Д. Никольскаго, явившагося сдѣлать нѣкоторыя замѣтки въ соборѣ во время вечерняго богослуженія, такъ какъ отпирать намъ соборъ внѣ богослужебнаго времени еkkлисіархъ наотрѣзъ отказался даже и за обѣщанный ему „бакшишъ“, записная книжка была дерзко вырвана и возвращена ему лишь послѣ вечерни, когда двери собора уже запирались на замокъ...

Мы тщетно также добивались разрѣшенія съ тою же цѣлью въ аѳонскихъ монастыряхъ—въ Кутлумушѣ, пр. Аѳанасія аѳонскаго, Каракаллѣ и Діонисіатѣ. За то мы съ истиннымъ удовольствіемъ можемъ засвидѣтельствовать здѣсь нашу глубокую благодарность за оказанные радушный пріемъ и всевозможное содѣйствіе къ выполненію задуманной нами задачи монастырямъ Ватопеду, Иверу, Пандократору, Ставро-Никитѣ, Филоею, Святому Павлу, Ксенофу, Дохіару, Зографу и Хиландарю. Кромѣ того Л. Д. Никольскому въ частности удалось поработать уснѣшно въ нѣкоторыхъ келліяхъ, отличающихся древностію своихъ росписей (напр., Моливоклісія 1537 г. близъ Кареи и св. Прокошія того же года близъ Ватопеда), или громкою извѣстностію въ исторіи аѳонской иконописи своихъ обитателей—зографовъ (напр., келлія въ Кареѣ Фурно-Аграфіота). Результатомъ нашихъ занятій на Аѳонѣ и является теперь обширный альбомъ аѳонскихъ росписей, заключающій въ себѣ до 226 снимковъ, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ находящіеся передъ вашими взорами ⁴⁾ снимки фресокъ Георгіевскаго паракліса Свято-Павловскаго монастыря (въ количествѣ 21 номера), современные фрескамъ здѣшнихъ

⁴⁾ Снимки во время реферата висѣли на доскѣ въ залѣ.

владимірскихъ храмовъ и представляющіе сами по себѣ громаднѣйшій научный интересъ, какъ лучшіе и почти единственныя въ исторіи аѳоно-византійской живописи съ точною датою 1423 года.

Но прежде чѣмъ перейти къ самымъ Георгіевскимъ аѳонскимъ фрескамъ, мы позволимъ себѣ остановить ваше просвѣщенное вниманіе на нѣсколько минутъ еще на тѣхъ особаго рода трудностяхъ, которыя выпали въ частности на долю моего скромнаго и симпатичнаго спутника Л. Д. Никольскаго, любви и рѣдкому трудолюбію котораго наука нынѣ всецѣло обязана столь цѣннымъ научнымъ достояніемъ.

Параклисъ св. Георгія въ Свято-Павловскомъ монастырѣ, чудомъ сохранившійся отъ огня, весьма небольшихъ размѣровъ. Состоитъ онъ изъ тѣснаго алтаря, съ тремя небольшими пирами, средней части (3 м. ширины и 4 м. длины), отдѣляемой капитальною толстою стѣною, и нарѣиска (въ $2\frac{1}{2}$ м.), съ углубленіемъ въ передней стѣнѣ. Параклисъ этотъ, примыкающій къ сѣверной каменной монастырской стѣнѣ, загроможденъ монастырскимъ соборнымъ храмомъ, пиргомъ и жилыми монастырскими келліями и слабо освѣщается небольшими окнами—однимъ съ юга и тремя съ сѣвера, а поэтому въ параклисѣ большую часть дня царитъ мракъ. Для фотографированія внутри параклиса слѣдуетъ считать болѣе благоприятными часы 9 и 10 утра, когда солнце, взглянувъ изъ-за вершинъ Аѳона, яркіе свои лучи посылаетъ черезъ упомянутое единственное окно въ южной стѣнѣ параклиса, и въ 4 вечера, когда тоже солнце, быстро поспѣвая къ закату за утесы, прилегающіе къ монастырю, снова дастъ весьма достаточный свѣтъ для нарѣиска и самого храма чрезъ упомянутыя три окна. Чрезмѣрно яркій утренній свѣтъ Л. Д. Никольскому приходилось, однако же, умѣрять путемъ загораживанія оконъ старыми иконами, принадлежностями иноческаго костюма и даже своего собственнаго. Царящій полумракъ въ Георгіевскомъ параклисѣ въ теченіе большей части дня г. Никольскій, съ изумительными, превосходящими всякую похвалу, настойчивостію и добросовѣстностію, побѣждалъ поразительною выдержкою и рѣдкимъ терпѣніемъ, просиживая иногда въ стасидіяхъ этого параклиса съ открытымъ аппаратомъ предъ одною какою нибудь фрескою

по два часа и долѣе. Съ этими свѣтовыми препятствіями въ дѣлѣ полученія удовлетворительныхъ снимковъ пришлось считаться серьезно потому, что самая плодотворная и обильная результатами работа по фотографированію параклиса падала на время послѣ 10 ч. утра до четырехъ вечера, когда въ параклисѣ, какъ мы сказали, царить полумракъ, переходящій иногда прямо въ непроницаемую темноту. По монастырскому, принятому на Аѳонѣ, укладу жизни, въ указанные часы дня братія обители, утомленная ночными богослуженіями и работами въ видѣ послушанія, предается обыкновенно послѣобѣденному отдохновенію, а поэтому и прекращала свой бдительный надзоръ за работающими въ параклисѣ. Отсутствие нерѣдко придирчиваго и подчасъ крайне мелочнаго контроля, при фотографированіи параклиса, имѣющаго весьма небольшую длину, гдѣ очень часто трудно умѣстить на пластинку желательную картицу, за недостаткомъ свободнаго мѣста, развязывало руки Леониду Дмитріевичу и подсказывало рѣшимость дѣлать то, на что въ часы утра и вечера, благопріятные для фотографированія, онъ не могъ осмѣлиться никоимъ образомъ. Въ это время дня имъ тушились на время горящія лампы, убирались мѣшавшіе цвѣтные подвѣсы, вынимались изъ иконостаса намѣстныя иконы, растворялись царскія двери и т. п. Только при этихъ условіяхъ являлась возможность, изъ нарѣиска чрезъ просвѣты въ иконостасѣ и обратно черезъ отверстія царскія двери и мѣста для намѣстныхъ иконъ, фотографировать фрески весьма тѣсныхъ алтаря и нарѣиска. Въ снимкахъ (напр., фреска съ изображеніемъ архидіакона первомученика Стефана) иногда можно видѣть эти неудобства въ силу тѣсноты зданія. Едвали и слѣдуетъ прибавлять, что, къ часу пробужденія братія отъ полдневнаго отдыха, въ параклисѣ все было на своемъ мѣстѣ, и работа шла, благо дѣло было предъ закатомъ солнца, самымъ корректнымъ образомъ, не вызывая со стороны иноковъ обители никакихъ возраженій...

Съ меньшими усиліями и даже съ рискомъ для своего здоровья приходилось получать снимки съ фресокъ, находящихся въ купо-ѣ, по сводамъ и аркамъ церквей. Не имѣя въ аппаратѣ необходимыхъ приспособленій для снимковъ, паходящихся вверху, Н. Д. Никольскій вынужденъ

былъ положительно изощряться въ изобрѣтеніи позъ для полученія желаемыхъ снимковъ: аппаратъ въ этомъ случаѣ ставить въ самыя неестественныя положенія, а ему самому лежать на холодномъ мраморномъ или каменномъ полу... При одномъ изъ подобныхъ положеній въ Иверѣ треножникъ аппарата, скользяшій по мраморному полу церкви, неожиданно раздвинулся и вмѣстѣ съ аппаратомъ съ трескомъ упалъ на полъ, лишившись при этомъ матоваго стекла, которое, за неимѣніемъ запаснаго и за удаленностію монастыря отъ Кареи, гдѣ его можно было приобрести, пришлось временно замѣнить даже простымъ листомъ бумаги, смазаннымъ деревяннымъ масломъ...

Наконецъ, была и еще одна трудность, преодолѣть которую удалось Леониду Дмитріевичу, можно сказать, блистательнымъ образомъ. Въ числѣ выставленныхъ здѣсь фресокъ, вы безъ сомнѣнія невольно обратите ваше вниманіе на чудную въ художественномъ отношеніи фреску, изображающую Самсона, раздирающаго льва. Самсонъ изображенъ въ видѣ молодого красиваго юноши, съ кудрявою шевелюрою на головѣ, одѣтаго въ короткую рубашку-распашенку, съ разрѣзами на бокахъ. Этотъ, художественно исполненный легкими контурами багреца, рисунокъ помѣщается въ самомъ пролетѣ на правой сторонѣ входной двери параклиса. Снять фотографически эту фреску не было никакой возможности, а посему Леонидъ Дмитріевичъ, не имѣвшій у себя калекъ, не полѣнился сначала снять ее по частямъ на промасленную бумагу, потомъ изъ кусковъ ея составить цѣльную фигуру и уже послѣ этого сфотографировать. Находящійся передъ вашими глазами художественно исполненный снимокъ не оставляетъ ничего желать лучшаго.

Разсказывая предъ вами подробно о всѣхъ этихъ трудностяхъ при работахъ по фотографированію аеонскихъ фресокъ и опускаая совершенно другія, обусловленные средою, въ которой приходилось работать (напр., для заряженія камеры мы вынуждены были, вмѣсто темной комнаты, забираться въ шкафы, гдѣ иноки хранятъ ночныя ватныя одѣяла, негативы для проявленія отправлять въ Карею художникамъ-грекамъ или въ фотографіи Паптелеймоновскаго монастыря и Андреевскаго скита, или даже увозить прямо въ Кіевъ не проявленными и т. д.), мы имѣемъ въ виду, съ одной стороны,

предупредить послѣдующихъ путешественниковъ по Аѳону съ подобными цѣлями, а съ другой—ищемъ снисхожденія къ тѣмъ недочетамъ, какіе можетъ подмѣтить опытный глазъ въ снимкахъ, предлагаемыхъ вашему вниманію. Л. Д. Никольскій съ полнымъ правомъ можетъ нынѣ говорить о себѣ: Quod potui, feci...

Сооруженіе Георгіевскаго параклиса въ Аѳоно-Свято-Павловскомъ монастырѣ современно, нужно полагать, его росписи фресками, имѣющими точную дату и имя художника. Строителями параклиса и другихъ зданій этого монастыря несомнѣнно были его древніе насельники—южные славяне. За это говоритъ прежде всего видѣнная нѣкогда покойнымъ архимандритомъ Антоциномъ Капустинымъ надпись надъ входомъ въ старый Георгіевскій соборъ, перестроенный во второй половинѣ прошлаго столѣтія и уничтоженный въ послѣднемъ пожарѣ. Надпись эта читалась такъ:

Прѣстаа Троице и прѣвѣстнаа храмъ твои сии створди
млитвами пречистіе влѣще нашъ Кѣе и стго и славнаго велико-
мѣчка Георгіа. мѣ стѣ не (1447) иа. і. кѣгъ сѣицѣ іа: лѣ а. ⁵⁾

Преосвященный Порфирій Успенскій на основаніи своихъ «вѣрныхъ» соображеній высказываетъ догадку, что обитателями Свято-Павловской обители были *сербы*, и что созданіе большого соборнаго храма въ честь великомученика Георгія произошло въ игуменство нѣкакого Николая Пегаси Балдуина, заявившаго о себѣ пожертвованіемъ въ монастырь одной рукописи ⁶⁾. Но вѣрнѣе полагать, что въ 1447 г. былъ построенъ отдѣльно отъ монастырской стѣны и зданій лишь новый каѳоликонъ во имя Срѣтенія Богоматери вмѣсто болѣе древняго тѣснаго каѳоликона св. Георгія великомученика.

Упомянутая надпись параклиса св. великомученика, написанная замысловатою вязью въ квадратъ на западной его стѣнѣ, прочитана учеными ⁷⁾ такимъ образомъ: „Αυτοτορήθη

⁵⁾ *Арх. Антоцинь.* Замѣтки поклонника Св. Горы К. 1864 стр. 245.

⁶⁾ *Еп. Порфирій.* Первое путеш. въ Аѳонскіе мон. и скиты въ 1845 г. К. 1877, ч. II, отд. II, стр. 14. ⁷⁾ У Григоровича-Барскаго сообщаются свѣдѣнія о Святопавловскомъ монастырѣ и параклисѣ св. великомученика Георгія такія, которыя могутъ давать нѣкоторое основаніе думать, что и сооруженіе этого параклиса и даже росписи его сдѣланы на средства молдавскаго господара Константина Бассарабы, воеводы Вранковича (1654 — 1658). «Быше же прежде монастырь сей зѣло тѣсенъ, пишетъ онъ, послѣди

μὲν ὁ περικαλλῆς ναὸς οὗτος τοῦ μεγαλομάρτυρος Γεωργίου τῆ συνδρομῆ Μητροφάνους, τοῦ τῆς Χριστοῦ Μεγάλης ἐκκλησίας σκευοφύλακος, τῷ ςϞϠλα΄χειρὶ Ἀνδρονίκου τοῦ Βυζαντίου, καθιερώθη δὲ τῷ ἁγίῳ Γεωργίῳ τῇ ἡμέρᾳ τῶν ἐγκαίνιων τοῦ ναοῦ τούτου τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ τῆς ἑορτῆς τοῦ ἁγίου ἀντὶ τῶν εἰσοδίων, ἱερουργήσαντος τοῦ μητροπολίτου Θεσσαλονίκης . . . ἡγουμενεύοντος Ἀνανίου τῷ ςϞϠλγ΄ Ἰνδικτιῶνος γ'. т. е. Росписанъ сей прекрасный храмъ великомученика Георгія, при содѣйствіи Митрофана, скевофилакса Великой Х, истовой церкви, въ 6931 = 1423 году, рукою Андроника Византіица, освященъ же во имя Георгія святого въ день обновленія сего храма въ самый день праздника святого вмѣсто Входа (Богоматери въ храмъ), когда священнодѣйствовали митрополитъ солунскій . . . и былъ игуменомъ Ананія въ 6933 = 1425 годъ, индиктіона З».

Изъ приведенной сейчасъ надписи видно, однакоже, что художникомъ, расписывавшимъ параклисъ, былъ грекъ изъ Византіи Андроникъ и что еще болѣе удивительно, средства на роспись (τῇ συνδρομῇ) этого прекраснаго параклиса далъ скевофилаксъ Великой Христовой константинопольской церкви Митрофанъ. Для болѣе яснаго пониманія соотношенія всѣхъ указанныхъ фактовъ: владѣльцы монастыря— южные славяне пользуются въ украшеніи своего храма средствами скевофилакса Великой церкви, пригласившаго изъ Византіи опытнаго художника грека, который не только выполнилъ прекрасно порученное ему дѣло, но, какъ увидимъ, и удовлетворилъ вкусамъ и національной гордости насельниковъ монастыря, изобразивъ на стѣнахъ южно-славянскихъ святыхъ (пр. Савву и Симеона Сербскихъ и Θεοδοσία новаго, болгарскаго уроженца († 1362 г. въ Царыградѣ), и придавъ славянскія сербскія надписи нѣкоторымъ греческимъ святымъ,—слѣдовало бы допустить лишь одно вѣроятное

же множае украсися и распространися, понеже благочестивый господарь всей Угровлахіи, господинъ Іоаннь Константинъ Башараба, воевода Бранковичъ, въздвиже въ пемт: отъ основанія многымъ иждивеніемъ столпъ или рогъ стѣны западной (пиргъ) высокій и лѣпозрачный, и удобры его различными келіями и трапезоу изрядвою; создаже и параклисъ, достохвалный и згло лѣпотный, съ иконописаніемъ и съ главою, въ всегдашное свое поминаніе» (*Григор.—Барскій*. Страствъ, по Св. мѣстамъ Востока, ч. III, стр. 392, Спб. 1887). ²⁾ *H. Brockhaus*. Die Kunst in den Athos Klöstern. S. 275; *S. Millet, J. Pargoire et L. Petit*, Inscriptions chrétiennes de l'Athos p. 437, Paris. 1904.

предположеніе, что Митрофанъ, скевофилаксъ Великой Христовой церкви, былъ родомъ славянинъ, огречившійся, и, быть можетъ, даже начавшій свою духовную жизнь на Аѳонѣ въ родномъ Свято-Павловскомъ монастырѣ. Но къ этому предположенію, къ сожалѣнію, примѣшивается одно новое обстоятельство, которое можетъ до нѣкоторой степени колебать его вѣроятность.

Французскіе ученые Миллэ, Паргуаръ и аббатъ Пети въ своемъ, недавно вышедшемъ, «Сборникѣ христіанскихъ аѳонскихъ надписей» воспроизвели надпись Георгіевскаго параклиса Свято-Павловскаго монастыря факсимиле, не мало потрудились надъ ея дешифрировкой и въ концѣ концовъ, не прочитавъ въ ней нѣсколько словъ, отказались отъ труда уяснить смыслъ ея, такъ какъ склонились признать ее за фальсификацію на шумѣвшаго въ свое время извѣстнаго фальсификатора грека К. Симонидиса, путешествовавшаго въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія на Аѳонѣ и, потѣхи ради, а также и для соблазна ученыхъ археологовъ-палеографовъ и по другимъ побужденіямъ болѣе пизменнаго свойства, занимавшагося поддѣлкою рукописей, порчею надписей и хронологическихъ датъ въ рукописяхъ и на стѣнахъ и вещественныхъ памятникахъ. Въ частности названные французскіе ученые о занимающей насъ Святопавловской надписи говорятъ, что они слышали отъ монаха Св. Павла Козьмы, что игумень этой обители Софроній Каллигасъ, возобновлявшій монастырь, поручилъ реставрацію надписи Георгіевскаго параклиса пресловутому Константину Симонидису, который переписалъ ее и сдѣлалъ въ пей поправки хронологическихъ датъ и именъ упоминаемыхъ въ ней историческихъ лицъ. Тоже самое сообщаетъ, со словъ того же о. Козьмы, и путешественникъ по Аѳону грекъ М. Папагеоргіу. Этому устному свидѣтельству о. Козьмы названы путешественники охотно вѣрятъ, такъ какъ о подобной поддѣлкѣ одной надписи въ аѳонской келліи Діонисія Фурно—Аграфіота говоритъ и такой ученый, какъ нашъ почтенный востокѣдъ епископъ Порфирій Успенскій ⁹⁾. На это ихъ наводитъ и замысловатость криптографической надписи, рѣдкая въ византійской палеографіи, и свидѣтель-

⁹⁾ Труд. Кіев. Духовн. Акад. 1867 г. т. IV, стр. 141.

ство М. Папагеоргиу, который будтобы въ свое время видѣлъ на стѣнѣ Георгіевскаго параклиса выцвѣтшіе слѣды той же древней надписи, но въ болѣе пространномъ (*plus étendue*) видѣ. «Симонидъ, задаются вопросами названные ученые, не пошутили ли надъ археологами? Не мистифицировалъ ли онъ ихъ? Не пожелалъ ли онъ фальшивою надписью скрѣпить слѣды сербскаго господства (въ обители) и отпести памятникъ къ Византіи»¹⁰⁾?

Въ предположеніяхъ названныхъ ученыхъ дѣлается ссылка и на слова о. арх. Антонина Капустина, допускавшаго, что К. Симонидисъ былъ вполне способенъ на такую «продѣлку» «Во-первыхъ, пишетъ о. Антонинъ, онъ долго и не разъ жилъ на св. Горѣ, и положительно извѣстно, что довольно времени провелъ въ монастырѣ св. Павла. Во-вторыхъ, прежде посѣщенія мною монастыря и знакомства съ замѣткою (о судьбѣ монастыря въ одной рукописи XI—XII в.), я слышалъ (*sic*) на св. Горѣ рассказъ о томъ, что Симонидисъ, слушая въ одномъ монастырѣ (не Павловскомъ, хотя и не очень отдаленномъ отъ него) жалобы игумена на недостатокъ свѣдѣній о первоначальномъ состояніи обители, просилъ позволенія осмотрѣть всѣ старыя книги и документы монастыря, и, по прошествіи трехъ дней, съ торжествомъ объявилъ, что монастырь владѣеть, невѣдомо ему самому, самымъ яснымъ документомъ своего историческаго существованія за много вѣковъ предъ тѣмъ. Обитель, съ именемъ которой связывался рассказъ этотъ, по совершенной извѣстности начала своего существованія, не могла обратиться къ Симонидису съ подобными жалобами, и не слышно, чтобы хвалилась предъ кѣмъ нибудь открытіемъ у себя важнаго документа»¹¹⁾. Французскіе путешественники готовы считать даже прямо доказаннымъ, что слова: *ἀντὶ εἰσοδίου*, имѣющіяся въ данной надписи, находимыя въ надписи евангелія XI—XII в. и указывающія на существованіе въ Свято-Павловскомъ монастырѣ древняго храма во имя Введенія во храмъ Богородицы, есть дѣло рукъ Константина Симонидиса.

Но какъ ни много говорится въ доказательствахъ подложности разсматриваемой нами надписи Георгіевскаго пара-

¹⁰⁾ Recueil des inscript. chrétiennes de l'Athos, p. 437. ¹¹⁾ Замѣтки по-клонника св. Горы стр. 262—263.

клица Свято-Павловскаго монастыря объ участіи въ этомъ дѣлѣ пресловутаго Симонидиса—фальсификатора надписей и рукописей, считать эти доказательства вполне убѣдительными мы не можемъ. Константинъ Симонидисъ жилъ въ Свято-Павловскомъ монастырѣ, занимался поддѣлкою надписей и даже рукописей, не «задумываясь надъ изобрѣтеніемъ собственныхъ именъ, равно какъ надъ указаніемъ лѣтъ и индиктовъ»¹²⁾, или чтобы «пошутить (*amused des archeologues*) надъ археологами», или съ болѣе практической цѣлью, въ интересахъ своихъ соотечественниковъ, сдѣлавшихся незаконно наслѣдниками славянскаго достоянія, чтобы «изгладить изъ исторіи всякую память о славянствѣ» и «отнести памятникъ къ Византіи»—все это и многое другое правдоподобно и, быть можетъ, близко къ истинѣ, чему свидѣтелями могутъ быть и позднѣйшіе посѣтители Свято-Павловскаго монастыря, по все же къ роли К. Симонидиса, какъ великаго и искуснаго фальсификатора, слѣдуетъ относиться съ осторожностію и недоувѣріемъ. Намъ извѣстно, что Конст. Симонидисъ претендовалъ нѣкогда на извѣстный кодексъ Синайской Библии V в., украденный Тишендорфомъ изъ Синайской библіотеки и подаренный послѣ Государемъ Императоромъ въ Императорскую публичную библіотеку въ С.-Петербургѣ, какъ на произведение своей искусной въ каллиграфіи руки, но однако же эти его чрезмѣрныя претензіи въ ученомъ мірѣ не нашли себѣ довѣрія, и Синайскій кодексъ Библии и доселѣ пользуется въ библейской наукѣ заслуженною авторитетною извѣстностію древнѣйшаго памятника, не имѣющаго себѣ соперника въ другихъ книжныхъ сокровищницахъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, и молва о «поддѣлкахъ» Симонидиса надъ рукописями и надписями Аѳонской горы чрезмѣрно раздута, къ вящему прославленію имени сего фальсификатора, его антагонистами и иноками св. Горы. Арх. Аптонинъ, сообщающій о «поддѣлкахъ» Симонидиса въ монастырѣ св. Павла, не считаетъ, однако же, сфабрикованную имъ надпись въ рукописи XI—XII в. «окончательно сомнительною»¹³⁾. Слѣдовательно, вполне возможно признавать за таковыя же и слова надписи: *ἀντί είσοδίου*...

У Свято-Павловской обители всегда было желаніе уничтожить всѣ документы славянскаго происхожденія монастыря,

¹²⁾ Тамъ же стр. 262. ¹³⁾ Тамъ же стр. 263.

въ чемъ не маловажную услугу оказалъ ему и бывший въ монастырѣ послѣдній пожаръ, истребившій, повидимому, всѣ слѣды его славянскаго происхожденія, которые не могли изгладить варварское отношеніе къ нимъ и крайнее равнодушіе къ ихъ сохраненію нынѣшнихъ его владѣльцевъ. Но Симонидисъ, если и пошелъ на встрѣчу желаніямъ заботливаго игумена Софронія и его братіи греческаго происхожденія, то, переписывая и передѣлывая надпись объ *украшеніи* Георгіевскаго параклиса живописью рукою византійца и на средства тоже грека Митрофана, скевофилакса Великой Христовой церкви, намъ думается, не постѣснился бы вмѣсто «ἀριστορήθη» поставить болѣе убѣдительный глаголь: „ἐκτίσθη ἐκ βάρων“ или „ἀνεκαίνισε ἐκ βάρων“ или „ἤγειρε ἐκ βάρων“ и т. д., что для поддѣльвателя было трудомъ одинаково легкимъ, уничтожилъ бы уже окончательно славянскія надписи надъ именами святыхъ греческаго происхожденія, изображенныхъ на стѣнахъ параклиса, и уже не мѣшала бы ни въ какомъ случаѣ греческаго языка съ славянскимъ. Нынѣ же эта цѣль поддѣльвателемъ не вполне достигнута. Въ изображеніяхъ святыхъ на стѣнахъ мы читаемъ слѣдующія славянскія надписи: Сты Антвнѣ, сты Пахуміе, сты Гурѣкъ ѡш, сты Нилѣ, Синантъ и др. Рядомъ съ этимъ имѣются надписи греческія: ἄγγελος Κυρίου, ἡ ζωοδόχος πηγή, и даже надъ славянскими сербскими святыми—Св. Симеономъ и Св. Саввою греческая надпись: ὁ ἅγιος Σάββας καὶ (Σορέων) οἱ Χελανταρίου, причемъ пр. Савва, очевидно, чтобы показать его царское происхожденіе, изображенъ въ кресчатомъ, богато убранномъ жемчугомъ, императорскомъ далматикѣ безъ рукавовъ, въ подризникѣ съ источниками, въ поручахъ и омофорѣ съ большими крестами.

Обращаясь теперь къ самымъ фрескамъ Георгіевскаго параклиса Свято-Павловскаго монастыря на Аѳонѣ, мы должны сказать, что онѣ вполне достойны той аттестаціи, какую имъ сдѣлалъ художникъ ихъ, назвавъ самый храмъ «περικαλλής». Даже въ нынѣшнемъ, поблекшемъ отъ времени и попортившимся отъ сырости (особенно на сѣверной стѣнѣ) и землетрясеній параклисѣ, фрески Андропика византійца могутъ удерживать свой эпитетъ художника, такъ какъ онѣ отличаются оригинальностью типовъ, роскошью и богатствомъ ихъ одѣяній и орнаментировки, весьма умѣлымъ подборомъ

и расположеніемъ красокъ и присутствіемъ въ нихъ по преимуществу нѣжныхъ свѣтлыхъ тоновъ. Для исторіи же аеон-византійской живописи разсматриваемыя нами фрески получаютъ свой глубокой интересъ и весьма важное значеніе не за свои только внѣшнія качества, но главнымъ образомъ потому, что, при изданіи въ свѣтъ и изученіи этихъ фресокъ, отходятъ въ область преданія совершенно невѣроятное мнѣніе пр. Порфирія Успенскаго, что будто бы аеонская иконопись сложилась или выработалась въ XVI в., имѣя первый свой древнѣйшій образецъ отъ 1526 г. въ параклисѣ Св. Протечи Протатскаго собора въ Кареѣ ¹⁴⁾, и мнѣнія почтеннаго академика Н. П. Кондакова и другихъ русскихъ археологовъ, которые начало этой иконописи относятъ ко времени 1453 г., т. е. послѣ паденія Константинополя, и признають, что отъ византійскаго до аеонскаго искусства имѣется глубокой перерывъ, образуемый XIV и XV вѣками, якобы вовсе (sic) отсутствующими въ аеонскихъ росписяхъ ¹⁵⁾. Параклисъ Св. Георгія съ фресками 1423 года разсѣиваетъ существовавшія предположенія на этотъ счетъ и устанавливаетъ фактъ, что и начало XV вѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ безспорно и конецъ XIV вѣка въ исторіи аеонской иконописи нынѣ уже не только не имѣютъ «глубокаго перерыва», но заполняются наличностью этого положительнаго факта. Связываясь съ именемъ Андроника—*византійца*, онъ приводитъ насъ къ византійской иконописи, устанавливаетъ связь той и другой.

Постараемся теперь дать вамъ сильное описаніе нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ фресокъ Георгіевскаго параклиса.

Фреска «Ἄγγελος τῆς μεγάλης βουλῆς» ¹⁶⁾ представляетъ Христа Спасителя Богомладенцемъ съ крыльями. Вокругъ головы крестчатый нимбъ, руки его простерты для благословенія по-архіерейски т. е. обѣими руками. Лицо Богомладенца съ чертами зрѣлаго юноши. Одѣяніемъ Христа служатъ туника и гиматій, перекинутый черезъ плечо.

¹⁴⁾ Чтен. въ Общ. любит. дух. Просв. 1884, кн. III, стр. 217. ¹⁵⁾ Кондаковъ. Памятники христ. искусства на Аеонѣ стр. 54, 55. СПб. 1908 г.

¹⁶⁾ См. это изображеніе въ II в. Иконописнаго сборника стр. 92.

Ἡ ζωοδόχος πύλη ¹⁷⁾—Божія Матерь по типу иконы Знаменія съ Богомладенцемъ Христомъ у персей, по поясъ въ чашѣ, изъ которой истекають струи воды. Черты лица Богомладенца тѣ же, что и въ изображеніи „ἄγγελος τῆς μεγάλης βοουλῆς“. Правая рука его съ ораторскимъ жестомъ, а въ лѣвой \ нъ держитъ свитокоъ. Ликъ Богоматери полный умиленія, голова покрыта по-восточному мафоріемъ, гиматіи покрываетъ все туловище. Обѣими руками поддерживаетъ Богоматерь Христа-Богомладенца.

Ὁ ἅγιος Ἰωάννης Πρόδρομος—Св. Іоаннь Креститель изображень ¹⁸⁾ съ роскошными волосами на головѣ, ниспадающими кудрявыми прядями по плечамъ. Черты лица благородныя и изящныя лишены принятаго въ иконографіи сего святаго аскетизма и суровости для выраженія идеи постничества и анахоретства. Рѣзко положенные блики подъ глазами и на скулахъ, излишне утопченная кисть правой руки съ длинными сухими пальцами, нижняя одежда изъ кожи, прикрытая сверху гиматіемъ, несомпѣнно имѣють въ виду напомнить молящимся о томъ, что предъ взорами ихъ суровый постникъ и великій аскетъ. Въ лѣвой рукѣ Предтечи имѣется посохъ съ крестомъ на-верху и свитокоъ со словами: *Ποθήσατε οὖν καρπὸς ἀξίους τῆς μετανοίας* (Матѣ. III, 8). Это изображеніе представляетъ интересъ и потому, что относится къ такому времени, отъ котораго „отдѣльныхъ лицевыхъ изображеній Іоанна Предтечи съ длиннымъ посохомъ, конецъ котораго украшенъ крестикомъ, мы, по словамъ Н. П. Кондакова, не знаемъ пока въ древней стѣнной живописи, съ характеромъ икопъ, какія встрѣчаемъ, напротивъ, въ большомъ обиліи въ періодѣ XVI—XVII столѣтій“ ¹⁹⁾.

Ὁ ἅγιος Πέτρος ἢ ὁ ἅγιος Παῦλος. ²⁰⁾ Оба апостола изображены зъ объятіяхъ одинъ другаго при встрѣчѣ. Св. Петръ—старцемъ съ короткою остриженной головою и небольшою бо-

¹⁷⁾ См. изображеніе это въ Иконописномъ сборникѣ в. I, стр. 13—14 СПб. 1907. Изданіе Высочайше учрежд. Комитета попечительства о русской иконописи. ¹⁸⁾ Сожалѣемъ весьма, что эта фреска почему-то не зашла себѣ мѣста въ «Иконописномъ сборникѣ». Ради нея можно было бы смѣло пожертвовать многими другими изображеніями, попавшими на страницы этого прекраснаго Сборника. ¹⁹⁾ Н. Кондаковъ. Памятники Христ. искусства на Афонѣ, стр. 63. ²⁰⁾ Изображеніе это см. въ Иконописномъ сборникѣ в. I, прилож., стр. 14.

родкою, причѣмъ волосы и на головѣ и на бородѣ вьющіеся, а ап. Павелъ—въ возрастѣ среднихъ лѣтъ съ малою растительностію на головѣ и открытымъ лбомъ, изборожденнымъ глубокими складками, и съ длинною бородою. Черты апостола Петра правильныя и мягкія, тогда какъ черты апостола Павла суровы и рѣзки, съ сильно изогнутымъ носомъ. Одѣяніе обоихъ апостоловъ одинаково: туника и гиматій.

Кромѣ названныхъ апостоловъ, имѣются на стѣнахъ изображеніе апостола Іоанна Богослова, напоминающее типическія черты апостола Павла, и св. апостола Андрея ²¹⁾ съ посохами въ рукѣ, завершающимся крестикомъ.

О ἄγιος Δημήτριος ²²⁾ представленъ въ видѣ молодого благороднаго юноши, одѣтаго въ дорогой препоясанный стихарь или тунику, съ роскошнымъ подольникомъ, который убранъ жемчугомъ. Накинутая сверху хламида имѣетъ на себѣ богатяя оплечья. Голова съ богатою, но коротко подстриженною шевелюрою, покрыта діадемою, унизанною жемчугомъ. Величественная благородная осанка, правильная постановка головы, включая яремную ямочку, превосходная моделировка на лицѣ придаютъ видѣ св. Димитрію античной фигуры и служатъ показателемъ того, что художникъ, росписавшій параклисъ, св. Георгія, былъ не заурядныхъ дарованій. Въ томъ же родѣ написаны ὁ ἄγιος Προκόπιος и ὁ ἄγιος Ἀρτέμιος ²³⁾, но костюмировка святыхъ проще и обстановка бѣднѣе.

Ο πρωτόμάρτυς Στέφανος ἀρχιδιάκονος ²⁴⁾ изображенъ съ боку въ алтарѣ, въ видѣ молодого человѣка, одѣтаго въ свѣтло-зеленый стихарь съ подольникомъ; на орарѣ имѣется надпись: ὁ ἄγιος, ἄγιος, ἄγιος. Въ рукѣ правой онъ держитъ кадило безъ верхней чашечки, а въ лѣвой—платъ съ ладонницею. Фигура святого первомученика съ рѣзко очерченнымъ лбомъ и глубокимъ выразительнымъ взоромъ дышетъ благородствомъ и отвагою.

Святые отшельники, имѣющіе на себѣ славянскія надписи, а именно: свв. Антоній великій, Киріакъ отшельникъ, Нилъ Синаитъ, Θεодосίη новый, ²⁵⁾ Пахомій съ ангеломъ въ

²¹⁾ См. изображеніе этихъ апостоловъ въ Иконописномъ Сборникѣ в. II, стр. 90. ²²⁾ См. въ Иконописномъ Сборникѣ в. II стр. 88. ²³⁾ См. это изображеніе въ «Иконописномъ сборникѣ» в. I, прилож., стр. 12. ²⁴⁾ См. это изображеніе тамъ же в. II стр. 86. ²⁵⁾ См. изображеніе тамъ же стр. 78.

видѣ юнаго схимника и Ѳеодоръ и Ѳеофанъ пѣснописцы изображены художникомъ съ суровыми чертами строгихъ аскетовъ и въ иноческиѣхъ одѣянїяхъ. Исключеніе представляетъ св. Пахомїй, близъ котораго ангелъ въ схимѣ написанъ въ видѣ благообразнаго юноши съ нѣжными чертами женщины ²⁶⁾. Среди этихъ отшельниковъ находимъ и изображение св. Саввы сербскаго ²⁷⁾. Открытое широкое лицо съ выпуклыми скулами, крутой лобъ, изборожденный морщинами, большая широкая борода и коротко остриженные волосы на головѣ, имѣющей гугенцо, говорятъ о принадлежности святого къ славянскому племени и позволяютъ дѣлать догадку, что данное изображеніе святого не лишено и индивидуальныхъ чертъ портрета.

Въ средней части параклиса имѣются фрески на евангельскіе сюжеты и на тексты церковныхъ пѣснопѣній. Многія изъ нихъ, особенно на сѣверной стѣнѣ, попорчены, но среди нихъ есть и сохранившіяся довольно хорошо, какъ напр. воскресеніе Лазаря ²⁸⁾, Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы, Рождество Богоматери и особенно Успеніе Пр. Дѣвы Марїи.

Въ фрескѣ Рождества Пресвятой Дѣвы Марїи ²⁹⁾ видимъ трогательную картину нѣжной ласки счастливаго отца, старца Іоакима, прижимающаго къ своему старческому лицу благодарованную дочь—будущую Богоматерь, окутанную въ пелены. У одра, на которомъ возлежитъ праведная Анна, стоитъ служанка съ опахаломъ, и сюда же подходятъ двѣ юныя посланницы съ дарами въ рукахъ. Посланныцы одѣты въ богатыя туніки и имѣютъ волосы, перевитыя «слухами», т. е. ленточками, обозначающими готовность исполнить всякое приказаніе счастливой старицы—матери. Въ рукахъ одной на блюдѣ—двѣ птички въ видѣ горлицъ, а въ рукахъ другой—сосудъ, покрытый крышкою. У локтя съ другой стороны готовится бабка, голова которой покрыта роскошною повязкою, сосудъ съ водою, въ которомъ она намѣрена купать новорожденнаго младенца.

Въ фрескѣ Успенія Богоматери ³⁰⁾ возлежитъ на богатоубранномъ ложкѣ Пр. Дѣва Марїя, одѣтая въ обычныя жен-

²⁶⁾ Тамъ же, стр. 13. ²⁷⁾ См. тамъ же в. II, стр. 80, рис. II. ²⁸⁾ См. тамъ же стр. 80, рис. III. ²⁹⁾ См. тамъ же стр. 76. ³⁰⁾ Тамъ же, в. I стр. 16.

скія одѣянія, съ руками, скрещенными на груди. Центрѣ картины занимаетъ Спаситель, держащій на рукахъ душу пречистой Своей Матери, его окружаютъ въ бѣлыхъ прозрачныхъ одѣяніяхъ ангелы, а наверху шестокрылатый серафимъ. У ложа Богоматери впереди припавшими изображены св. Петръ и другой апостолъ у ногъ Богоматери, весьма похожій по тѣлу на апостола Павла. Многіе апостолы одѣты въ кресчатые сакосы съ омофорами, нѣкоторые изъ нихъ утираютъ слезы, или, пригорюнившись и подтирая лицо руками, выражаютъ скорбь. Апостолъ Іоаннъ, стоящій у ногъ Богоматери, утираетъ слезы убрusомъ. На фонѣ картины справа и слѣва видны женщины и части сіонской горницы. Разнообразіе лицъ и настроеній, изящество отдѣлки одра и тонкихъ подсвѣчниковъ близъ него съ горящими свѣчами—все это вноситъ въ картину живость и лишаетъ ее сухости и монотонности.

Картина Введенія во храмъ Богоматери ³¹⁾ ничего новаго не привноситъ въ разработку этого сюжета, но, какъ фреска, сохранившаяся хорошо, и она заслуживаетъ быть отмѣченною въ ряду другихъ.

Гораздо большій интересъ представляютъ фрески: „*Ἄνω σε ἐν θρόνῳ*“ и „*Κάτω ἐν τάφῳ*“ ³²⁾. Въ первой Спаситель изображенъ сидящимъ въ царскомъ величій на херувимахъ, будучи окруженъ пророкомъ Ісаіемъ и патр. Іаковъ со свитками въ рукахъ, на которыхъ имѣются соотвѣтствующія пророчества, а во второмъ—Спаситель лежитъ въ гробу, новитый по-еврейски пеленами.

Всѣ предложенныя вашему благосклонному вниманію фрески Георгіевскаго параклиса, посильное описаніе коихъ мы старались представить, даютъ полную возможность всѣмъ интересующимся этою отраслю церковной археологіи дѣлать теперь сравненіе съ находящимися предъ вашимъ взоромъ фресками Владимірскаго Успенскаго собора и др. Мы питаемъ крѣпкую увѣренность, что на сей разъ сужденія, какъ объ этихъ послѣднихъ, такъ главнымъ образомъ о фрескахъ афонскихъ, въ своихъ конечныхъ результатахъ будутъ отличаться въ большей степени правильностію и безошибочностію, чѣмъ это было въ прежнее время. Не забѣгая далеко впередъ, хочется вѣрить, что много общаго можно находить

³¹⁾ Тамъ же, стр. 15. ³²⁾ Тамъ же, в. 11, стр. 80.

въ фрескахъ владимірскихъ по сравненію ихъ съ современными аѳонскими фресками какъ, въ стилѣ и манерѣ письма, такъ и въ разработкѣ иконографическихъ сюжетовъ. Но уже теперь съ полнѣйшею достовѣрностію можно утверждать, что фресковая живопись на Аѳонѣ въ XIV и XV вѣкахъ процвѣтала, и памятники ея до насъ сохранились еще въ лучшихъ образцахъ.

А. Дмитріевскій.